

В. Р. Апухтин как публикатор документов о войне 1812 года

На ежегодных конференциях, посвященных теме «Отечественная война 1812 года», вводятся в научный оборот принципиально новые документы, но вместе с тем следует внимательно сверяться с тем, что сделано предшествующими поколениями исследователей. Среди тех, чьи научные труды включены в библиографические указатели, часто встречается имя В. Р. Апухтина — публикатора многочисленных сборников документов по истории ополчения 1812 г. Его работы — «Орловское дворянство в Отечественную войну» (Орел, 1913), «Симбирское дворянское ополчение» (М., 1912) и целый ряд других по-прежнему используются в научных и краеведческих исследованиях. И это далеко не случайно. В преддверии столетней годовщины войны Апухтин по собственной инициативе решил изучить местные архивы на предмет публикации источников по истории дворянских губернских ополчений. То, что автор обратился именно к дворянству, было определено убеждениями, мировоззрением публикатора. В одном из обращений в Главный Штаб, он, в частности, писал, касаясь своих работ: «Лично я работаю для дворянства, любя это дело, безвозмездно»¹. Более того, 24 апреля 1912 г. в письме начальнику Общего архива Главного Штаба он особо подчеркивал, что необходимо приложить все силы для восстановления славы дворянства, ибо в наше время, как отмечал Апухтин, даже Рюриковичи стали подрывать корни у дворянства.

Не случайно его обращение и к русской провинции. Исторических материалов по губернским ополчениям «двенадцатого года» на рубеже XIX—XX вв. было опубликовано не много. Даже руководство Военно-Ученого архива, составляя справку о работе Апухтина в архиве, отмечало, что в литературе сведений об ополчении почти не встречается. Но в данном случае, сотрудники ВУА были не правы. Они ссылались на труды А. И. Михайловского-Данилевского и М. И. Богдановича. Как хорошо известно, Михайловский-Данилевский собрал огромную коллекцию копий документов из местных архивов о губернских ополчениях, и все эти материалы хранились и ныне хранятся в делах ВУА. С этой точки зрения, Апухтин вторично работал с провинциальными архивами, но, в отличие от Михайловского-Данилевского, он лично их обследовал и сам просматривал дела. До Всеволода Ростиславовича историки «двенадцатого года» местные архивы или совершенно не изучали, или, в единичных случаях, по просьбе ученых архивы разбирали местные краеведы, в лучшем случае — архивные служащие, но лишь в виде исключения.

О самом Апухтине сведений на сегодняшний день явно недостаточно. Он родился в глубинке Центральной России — в Болховском уезде Орловской губернии. Дослужился до чина поручика в 5-м Киевском гренадерском полку. Выйдя в отставку, увлекся историей и в 1900—1902 гг. прослушал учебный курс в Петербургском Археологическом институте. Среди ряда дисциплин здесь читались лекции по истории и методике архивного дела. Видимо, с этим связана его любовь к публикации документов и вообще интерес к архивным изысканиям. С точки зрения сегодняшней археографии, в его трудах можно легко найти многочисленные огрехи и недостатки (на них не надо закрывать глаза, ибо это часто приводит к ошибкам при использовании публикаций). Но и не стоит сводить все его труды к мелочному подсчету ошибок. Его работы по истории ополчений — это тот уровень архивных знаний, который существовал в военно-исторической науке на грани веков. Для успешной работы со сборниками, их грамотного использования необходимо знать наиболее крупные и характерные недостатки в работе Апухтина. По большей части — это отсутствие заголовков публикуемых документов, примечаний, дат; нет унификации в передаче текста. Наиболее серьезного упрека заслуживает отбор документов для публикации: похоже, автор публиковал подряд все то, что встречалось ему в просматриваемом архивном деле. Порой, он не знал, какова судьба изучаемого архива. Так, в сборнике о Симбирском ополчении он писал, что о некоторых вопросах «...мне не удалось достать сведений из местных архивов»². Он и не смог бы их найти, так как еще в 1837г. Симбирский гражданский губернатор сообщал, «...что какие в то время были предписания главнокомандовавших нашими армиями, а так же объявления или воззвания, за бывшим в корпусе Симбирских присутственных мест в прошлом 1827 году пожаром никаких не оказалось»³. В случае, когда материалов явно не хватало, Апухтин обращался в центральные архивы. Но повторимся: он был страстным исследователем именно местных, провинциальных архивов. На официальном бланке, с которым он обращался в Военное министерство, Главный Штаб, было отпечатано: «Всеволод Ростиславович Апухтин. Почетный член Орловского церковно-археологического общества, Действительный член Императорского Русского Военно-Исторического общества, Историко-Родословного общества в Москве, Кружка дворян, Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, Новгородского общества любителей древностей, Губернских ученых архивных комиссий: Орловской, Костромской, Тверской, Курской, Воронежской и Витебской, член-корреспондент императорского Русского Географического общества, член-сотрудник императорского Санкт-Петербургского археологического института и Общества истории,

археологии и этнографии при императорском Казанском университете».

Начиная работу над историей какого-либо губернского ополчения (Апухтин работал, как правило, над несколькими темами одновременно), он предварительно заручался поддержкой губернского предводителя дворянства. С губернскими властями подробно обговаривалась тема, сроки, возможности работы в местных архивах. Надо отметить, что все работы, поездки по российским архивам велись Апухтиным исключительно за свой счет. Ему оплачивалось из местных средств только само издание сборников документов. Одна работа — «Народная военная сила: Дворянские ополчения в Отечественную войну» (М., 1912. Т. 1. Ч. 1 и 2) получила в 1913 г. субсидию Совета Министров Российской империи на покрытие частичных расходов по ее изданию: Апухтину выдали 300 руб. Всего им было собрано, по его словам, архивных документов на 100 печатных листов, но финансовые возможности позволили к столетнему юбилею «двенадцатого года» опубликовать лишь 14 листов.

Как выше указывалось, Апухтин, не найдя нужных документов в местных архивах, старался дополнить свои сборники документами, почерпнутыми из центральных архивохранилищ. Для этого он работал в архиве МВД, МИД и др. Важнейшим полем неустанныго поиска являлось Московское отделение общего архива Главного Штаба. Но, к сожалению, здесь его ждало разочарование. Близилось 100-летие войны. Подготовленные к изданию сборники документов требовали активной доработки, пополнения материалами военных архивов и поездок на места. В марте 1911г. Апухтин обратился к начальнику Объединенного архива Главного Штаба генерал-майору В. М. Эльриху с просьбой о допуске для работы его писарей — унтер-офицеров Чайникова и Новопоселенного. Надо отметить, что в то время сложилась определенная традиция: исследователи находили документы, их изучали, а черновую работу по переписке проводили нанятые писари. Руководство ответило согласием, лишь оговорив, что подчиненные будут работать под ответственность Апухтина и в его присутствии. Историка это вполне устраивало, ибо он жил вблизи архива — в Бригадирском переулке. В июне 1911г. управляющий Московским отделением Н. П. Поликарпов обратился к начальнику Общего архива с жалобой на то, что Апухтин лично в архиве не работает, поэтому вверенной ему властью он запрещает переписчикам бывать в архиве. В частности, Поликарпов писал: «...В противном случае явится много подражателей поручика Апухтина, и тогда все предписания сведутся на нет, а в деле допуска посторонних лиц к архивным изысканиям неизбежно воцарятся беспорядок и произвол»^{IV}.

У Апухтина были серьезные причины отсутствовать в архиве. Еще будучи в отставке, он добровольцем ушел на русско-японскую войну, был ранен и летом 1911г. на шесть недель был отправлен в лечебный отпуск в Пятигорск («для пользования от последствий ранения»), как он лично пояснил в письме Поликарпову). Более того, он объяснил, что писари работают не самостоятельно, а под контролем находящегося в той же комнате архивного служащего штабс-капитана Энгельгардта и общем надзоре столоначальника подполковника В. П. Федорова. Тем не менее, в июле Эльрих запретил пропускать писцов. Это произвело самое тягостное впечатление на Апухтина. Он немедленно оповестил многих губернских предводителей дворянства о том, что работа над сборниками срывается. Последние обратились как к архивному руководству, так и прямо к начальнику Главного Штаба Михневичу, который вынужден был лично объяснять ситуацию. В частности, он писал Новгородскому предводителю дворянства князю П. П. Голицыну, что Апухтин уже вернулся из отпуска и его немедленно допустят в архив, чтобы не срывать сроков выхода сборника документов по Новгородской губернии. В августе Апухтин снова пытался добиться возможности для переписчиков работать в его отсутствие. В письме Михневичу он объяснил, что разрешение для переписчиков подписано Эльрихом. Сам же Апухтин в то время заканчивал работу над несколькими сборниками документов по ополчениям 1812 года: Новгородской, Пензенской, Рязанской, Нижегородской, Симбирской, Казанской, Калужской, Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. Работа требовала постоянных поездок в местные архивы. За переписчиков он ручался — с ними он служил в армии, они работали без проблем в многих архивах Москвы, даже Министерства иностранных дел. Михневичу неудобно было отказать боевому офицеру, за которого заступились видные представители местной власти. Он запросил мнение Поликарпова. Тот продолжал стоять на своем, его поддержал Эльрих — и Михневич не стал спорить со своими подчиненными. К сожалению, истинную причину отказа Апухтину не назвали. Вместо этого началось разбирательство Главного Штаба с публикатором: почему тот при посылке своих запросов и обращений в Штаб не наклеил марки гербового сбора на сумму 2 р. 25 к. Эта «серьезная» переписка шла с сентября 1911 г. по апрель 1912 г. Видимо, сам вопрос о сборе так задел Апухтина, что он даже написал объяснительную записку о незаконности взимания с него сбора. Но чтобы не срывать выхода публикаций, он все же внес ту сумму, которую от него требовали. На всякий случай попробовали собрать сведения, кто из историков Отечественной войны 1812 года сколько дней занимался в архиве. Выяснилось, что В. А. Афанасьев работал два дня, а Апухтин с марта по декабрь 1911 г. — 92^V. Таким образом и этот довод отпал. Тогда решили проанализировать содержание его публикаций. Запросили

по этому вопросу Военно-Ученый архив. К чести военных архивистов они представили справку вполне объективную, подчеркнув, что работы весьма ценны, тем более, что в литературе сведений об ополчении почти нет.

Наконец, сборники вышли в свет. Благодаря им мы можем пользоваться документами, разбросанными по многим провинциальным архивам. Более того, именно Апухтин нашел в Новгороде документы Канцелярии Новгородского, Тверского и Ярославского генерал-губернатора, которые даже не были внесены в описи архива. В необходимых случаях он сам разбирал документы. Так, в Твери Апухтин разобрал архив канцелярии предводителя дворянства и обнаружил материалы по ополчению, считавшиеся сгоревшими. Во Владимире он случайно нашел переписку по ополчению 1812 г. в связках ополчения 1807 г.

Полностью закончить свою работу над публикацией документов по губернским ополчениям историк не смог. В 1913 г. вышел сборник, посвященный Орловскому дворянству; Апухтин начал работать в архиве над вторым томом «Народная военная сила», куда должны были войти документы по ополчениям за 1813—1814гг. Однако начавшаяся первая мировая война и последующие события на долгие годы прервали подобные археографические исследования, оставив потомкам публикации В. Р. Апухтина, осуществленные в 1912—1913гг.

Примечания

ⁱ РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 131. Л. 24.

ⁱⁱ Там же. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 8. Л. 453.

ⁱⁱⁱ *Апухтин В. Р.* Симбирское дворянское ополчение. М., 1912. С. 6.

^{iv} РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 131. Л. 10 об.

^v Там же. Д. 172. Л. 10 об, 18.